

социально-классовых явлений (эксплуататор-капиталист и эксплуатируемый пролетарий) бесформенно-моральными, общечеловеческими категориями (лентяй, негодяй и т. п.). В романе это сказалось и на навязчиво-абстрактном противопоставлении разума и биологической стихии в человеке и в слабой художественной обрисовке образа предателя и вредителя инженера Сожа, чье предательство и вредительство объясняется лишь проявлением слепоты и глупости, ибо кто же всерьез может быть «ослушником законов революции?»

«Путешествие в страну...» полно страхов перед теми «ужасными событиями», которые происходят оттого, что «корабли человеческих мыслей» выходят «на вредное, отвратительное русло». В сущности Павликов одинок среди врагов, стихийных противников, интриганов и невежественных, и делу его — розыскам нефти — то и дело грозит стихийная гибель (атмосфера угроз и беспокойства создается в романе напоминанием о беспрестанном грохоте обвалов в горах, окружающих долину Тба). Вокруг Павликова плетется сеть опасных интриг, на него обрушивается несчастье за несчастьем, топится сестра, уходит жена, комиссия из синдиката явно враждебно настроена к его проекту, против него бунтуют баптисты и даже покушаются на его жизнь. Странное экспериментальное сгущение всевозможных отрицательных обстоятельств должно подчеркнуть стальное сияние павликовской «воли и целеустремленности».

Но, не сумев полноценно выразить пафос социалистической героики на новом этапе развития в образах основных героев и в их взаимоотношениях, Вс. Иванов в своем романе создал ряд запоминающихся, великолепных эпизодических сцен «второго плана», в которых-то прежде всего и отразилась главная идея романа, его внутренняя патетика.

Таков, например, героический эпизод бурения первой скважины, когда человек «стоит на скале, поедаемый сухим солнцем долины, — и бурит, бурит... ради детей и будущего!» Таков и финал романа, принадлежащий к лучшим (и забытым) страницам советской литературы, воспевающей трудовой порыв наравне с подвигом самопожертвования и боевой доблести. Первая скважина дала нефть; победили упорство и энтузиазм Павликова, отдавшего ради этого счастливого мгновения все, что он имел дорогого... Мастер немец Сангигупор, сперва сомневающийся, а потом увлеченный верой своего начальника в успех разведки, думает, стоя около бурлящего нефтью источника рядом с Павликовым: «Он (Павликов) оставил в долине труп сестры, оставил жену и твердо и непоколебимо идет утешать больную мать! Гордость, радость и слезы охватили Сангигупора. Какой в стране советов народ! Какая здесь республика! Какая прекрасная у нас планета!.. Сангигупор последний раз посмотрел на фонтан и сказал: «Фонтан!.. Но он клокочет, как Германия! — Он клокочет, как мир, Сангигупор, — отвечает Павликов, — он клокочет как человечество!» Победа коммунистической веры в будущее и революционного бескорыстия изображается в романе Вс. Иванова как отважное путешествие в страну, «которой еще нет, но которая будет!»

Впечатление от лучших страниц романа «Путешествие в страну, которой еще нет» в большой мере портит формалистическая вычурность, которой не избежал здесь автор, — фрагментарность и нервозность манеры, излишняя образная расточительность и ассоциативность, напоминающая «сопряжение далековатых идей» («Самовар походил на опущенные руки», «Ты сильна и добра, как подъемный кран, как пароход, груженный зерном и консервами», «Ваша шапка похожа на паровой молот»), искусственный диалог, постоянное использование парадоксов («Любите ли вы клюкву, засыпанную сахаром?.. — Я люблю целесообразную работу, — ответил мастер») и т. п.

Художественное творчество Вс. Иванова с самого начала щедро питалось из автобиографического источника. Яркость, интенсивность личных жизненных впечатлений лежит в основе многих отдельных произведений и циклов Вс. Иванова. Энтузиазм времен гражданской войны, детство, проведенное в полуазиатской российской провинции, память о юношеских годах и романтических скитаниях содержится и в «Партизанских повестях», и в «Экзотических рассказах», и в повестях «Возвращение Будды», «Голубые пески», и в «Тайное тайных», и в «Сентиментальной трилогии». В отдельных новеллах, включенных автором в цикл «Экзотических рассказов», впервые появляется образ «факира Бен-Али-Бея» — образ личный и лирический, раскрывающий в «остраненной» форме содержание отроческого и юношеского периода жизни автора в ту пору, когда он бродил по дорогам Зауралья с бродячим цирком, мечтая о необыкновенном... Эту тему в творчестве Вс. Иванова венчает роман «Похождения факира», написанный в 1934—1935 гг. и незаконченный (вышли только три части из задуманных пяти: 1-я — «Факир подходит к цирку», 2-я — «Факир обходит цирк» и 3-я — «Факир входит в цирк»).

В предисловии к «Повести о детстве» Федор Гладков приводит слова М. Горького из личной беседы с ним: «Наша молодежь должна знать, какой путь прошли люди старшего поколения, какую борьбу выдержали они, чтобы дети и внуки их могли жить счастливой жизнью. Им нужно показать, как трудно создавался человек, как он был упорен и выносил и в труде и в борьбе и какой он совершил невероятный путь к свободе». Роман Вс. Иванова «Похождения факира» по существу посвящен этой благородной теме, но отличительной его особенностью является крайне обостренный лирический и психологический характер, придающий повествованию несколько замкнутый вид, а иногда уводящий его от реализма и объективного содержания описываемых событий.

«Похождения факира» — это рассказ о том, как жили люди в старороссийском захолустье, как груба и ограничена была их жизнь, это целая эпопея обывательщины, с которой сталкивался в те годы всякий входящий в жизнь человек. Одновременно и неразрывно с этим роман Вс. Иванова — это раскрытие психологического мира героя, талантливого и своеобразного юноши, с первых лет сознательного бытия вошедшего в конфликт с обывательской и бесчеловечной средой, рассказ о поисках им счастья и о тех причудливых,